

Чжао Му стоял на ступенях, глядя сверху вниз на Чжао Синя:

— Третий брат, судя по твоему тону, ты тоже весьма близки с господином Чжаном?

Услышав это, Маркиз Чжао едва не бросился вперед, чтобы отвесить младшему сыну пару пощечин, но ради приличий вынужден был сдержаться, лишь одарив его свирепым взглядом. Госпожа Ли тоже заметила неладное и принялась подавать сыну знаки, но тот, опьяненный воображаемой победой, даже не смотрел в сторону матери.

Налань наблюдала за лицами четверых членов семьи Чжао и едва сдерживала усмешку: вот они, хваленые аристократы, ничем не лучше остальных.

Чжан Чу, оправдывая ожидания Чжао Синя, невозмутимо обернулся. В его глазах читались неверие и скорбь, на глазах выступили слезы.

— Чжао Му, что ты такое говоришь? Ведь мы с тобой... — голос его дрожал, срываясь на плач.

Чжао Му холодно усмехнулся:

— Господин Чжан, я не сказал ничего неверного. Если вы хотите уйти, разве было бы вежливо удерживать вас силой? Возможно, по молодости и глупости я вел себя излишне вызывающе, и если мои прошлые поступки ввели вас в заблуждение, то прошу прощения. Ныне я человек женатый, должен остепениться, посвятить себя супруге и нашему дому, а не околачиваться в сомнительных местах.

Лицо Чжан Чу побелело, он пошатнулся:

— Ты... как же ты жесток! Как у тебя язык повернулся сказать такие бессердечные слова?

Чжао Синь, слушая это, торжествовал, предвкушая, как разгорится ссора. Налань же с любопытством наблюдала за происходящим, переосмысливая методы Чжао Му. Но вот вопрос: говорит ли он искренне или это лишь игра?

Чжао Му нахмурился и посмотрел на Чжао Синя:

— Третий брат, впредь не приводи ко мне подобных особ. Моя жена великодушна, но если бы мы из-за тебя поссорились, я бы тебя не помиловал.

Чжао Синь застыл, собираясь возразить, но под суровым взглядом Маркиза Чжао был вынужден проглотить слова.

Чжан Чу, не ожидавший такой холодности, вскрикнул, когда слова Чжао Му, словно яд, пронзили его сердце. Слезы хлынули из глаз:

— Хорошо, Чжао Му, я запомню! Придет день, и ты еще пожалеешь!

С этими словами он, спотыкаясь, бросился прочь. Чжао Му проводил его взглядом и мысленно прошептал: Прости, прежний владелец этого тела, но этот человек не был с тобой искренен. Если бы он любил по-настоящему, я не стал бы так жесток, а помог бы ему выкупиться, это стало бы искуплением за тебя.

С этими мыслями он помог Налань сесть в карету, и они отправились в поместье Оуян. Юэ Цин и Пинъань, глядя на это, сокрушались про себя: Госпожа, наш молодой господин наконец-то исправился! Похоже, вступление в дом жены пошло ему на пользу. Мы обязательно будем беречь новую госпожу, а вы, дух в небесах, обязательно храните молодого господина.

В карете Налань не сводила с Чжао Му глаз. Тот почувствовал себя неловко и не выдержал:

— Если есть вопросы, спрашивай, не смотри так на меня, мне не по себе.

Налань выпрямилась:

— И ты вот так просто порвал со своим старым возлюбленным? Не жалеешь?

Чжао Му поднял руку:

— Прошу, не называй его так! Какой он возлюбленный? Мы теперь супруги, не вешай на меня лишних ярлыков. К тому же, Чжан Чу появился не раньше и не позже, а именно в момент нашего отъезда. Разве не ясно, что он пришел за мной?

Чжао Му украдкой взглянул на Налань. Видя, что она всерьез задумалась, он продолжил:

— К тому же, он артист из Павильона, и если смог так легко оттуда выйти, значит, кто-то его подкупил. Я знаю, что он жалок, но также понимаю, что он — лишь пешка, которую госпожа Ли подложила мне под бок. Я годами играл эту роль, и с меня хватит!

Сказав это, он снова посмотрел на Налань. Та, казалось, поверила, и он облегченно вздохнул. К счастью, он принял все воспоминания прежнего владельца, иначе было бы совестно говорить такие жестокие слова незнакомцу.

Чжан Чу был несчастным человеком: отец продал его в Павильон артистов еще в детстве, и он прошел через ад. Артистов там отбирали тщательно: смотрели на фигуру и черты лица, кормили специальными отварами, держали в полуголодном состоянии, чтобы сохранить стройность. В пору ломки голоса их поили снадобьями, чтобы сохранить чистоту звучания, и заботились о деликатных местах.

В ту эпоху артисты были на самом дне общества, их презирали, им запрещали сдавать государственные экзамены, а их потомки не могли строить карьеру. Впрочем, детей у них почти не было. Жестокие тренировки начинались с малых лет: пение, танцы, акробатика — одно движение повторялось сотни раз, а за малейшую ошибку следовали суровые наказания. Постоянные травмы, переломы и болезни суставов к зрелому возрасту были нормой.

Именно поэтому Чжан Чу так цеплялся за Чжао Му — тот был его единственным источником пропитания. Госпожа Ли иногда подкидывала ему немного серебра, чтобы через него следить за Чжао Му.

Чжао Му задумался: может, стоит заработать денег, выкупить Чжан Чу и подарить ему свободу? Это стало бы достойным завершением истории прежнего владельца.

Налань же, наблюдая за молчанием мужа, была уверена: он тоскует по своему любовнику и сейчас придумывает, как его утешить. Она ни на грош не верила в его оправдания. Если он действительно так жесток, как утверждает, то он просто чудовище. Но, видя его нынешнее выражение лица, она невольно успокоилась: значит, он все же дорожит старыми чувствами и им можно управлять.

Как забавно: один думал, что его ложь приняли за чистую монету, а другая была уверена, что разгадала его планы по утешению любовника. Что же будет, когда правда вскроется?

Карета, подпрыгивая на ухабах, прибыла в поместье Оуян. Хэ Юэ помогла Налань выйти. Слуги суеились, принимая подарки — несмотря на упадок дома Маркиза, ответные дары были собраны по всем правилам.

В этот момент один из слуг проскользнул во внутренний двор второй ветви семьи и прошептал на ухо госпоже Чжан:

— Вторая госпожа, вторая госпожа и новый зять вернулись!

Чжан просияла и, встав с места, пробормотала себе под нос:

— Ха-ха, теперь можно смело приступать к плану. Новый зять в поместье не в почете, а значит, Налань лишилась своей главной опоры. Хе-хе, скоро всё в этом доме будет принадлежать нашей второй ветви!

<http://bllate.org/book/21550/2216469>